

ВЛАСТЬ, АВТОРИТАРИЗМ, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, СВОБОДА И НАСИЛИЕ В *INSTITUTO DE FILOSOFIA E TEOLOGIA* (IFT): АНАЛИЗ ХАННЫ АРЕНДТ И НОРБЕРТО БОББИО

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

PAULA, Sérgio Peres de¹

PAULA, Sérgio Peres de. **Власть, авторитаризм, политика, власть, свобода и насилие в *Instituto de Filosofia e Teologia* (IFT): анализ Ханны Арендт и Норберто Боббио.** Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. Год. 07, изд. 07, Том. 05, стр. 64-92. Июль 2022 г. ISSN: 2448-0959, Ссылка для доступа.: <https://www.nucleodoconhecimento.com.br/философия-гу/власть>, DOI: 10.32749/https://www.nucleodoconhecimento.com.br/ru/141198

СВОДКА

Путем обсуждения некоторых понятий, таких как «Авторитет», «Авторитаризм», «Политика», «Власть», «Свобода и Насилие», от Ханны Арендт и Норберто Боббио делается подход к *Instituto de Filosofia e Teologia* (IFT), существовавшему в Сан-Франциско. Пауло Бразилия. Межконгрегационное учреждение, возникшее как предложение адаптировать священническое образование к нововведениям Второго Ватиканского Собора в 1965 году, в контексте полемики и политических споров, внешних и внутренних по отношению к Католической церкви, IFT было ликвидировано в 1969 году. То, как Х. Арендт и Н. Боббио рассматривают концепции авторитета и его коррелятов, помогает лучше понять факты.

Ключевые слова: Власть-Авторитаризм, Свобода-Насилие, Католическая церковь в Бразилии, Церковь-государство, Постватиканский собор II.

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель этой статьи состоит в том, чтобы подойти к некоторым родственным понятиям, таким как власть, авторитаризм, политика, власть, свобода и насилие, со ссылкой на авторов Ханну Арендт и Норберто Боббио. Причиной

такого подхода является все еще готовящееся историческое исследование *Instituto de Filosofia e Teologia*, также называемого во второй момент Институтом теологического образования, всегда сохраняющего аббревиатуру IFT, которая существовала в Сан-Паулу между 1965 и 1969 годами из тогдашней провинции Санта-Рита-де-Кассиа изучал богословие и принимал активное участие, особенно в Академической директории XI.X (11 октября) в период существования института.

Исследование вокруг IFT включает учреждение, сформированное группой религиозных орденов и конгрегаций, созданных Конференцией религиоведов Бразилии, со ссылками на подчинение более крупному учреждению, которым является иерархия католической церкви в Сан-Паулу, в лице тогдашнего кардинала-архиепископа Д. Аньело Росси. Деятельность IFT началась в 1965 году в бывшем *Colégio Des Oiseaux, das Cônegas de Santo Agostinho*, в центральном районе Сан-Паулу. С 1968 года IFT начал работать в монастыре кармелитов на улице *Martiniano de Carvalho, bairro do Bela Vista*. В 1969 году после конфликтов с кардиналом IFT был распущен.

Контекст недолгого существования этого института приходится на период военного режима в Бразилии. В то время студенты IFT были связаны со студенческими движениями и сопротивлением режиму. Этот период знаменует собой начало напряженных отношений между католической церковью в Бразилии и государством, управляемым военным режимом.

В исследовании задействовано несколько концепций и анализов социально-политического характера для институционального функционирования, будь то IFT, будь то католическая церковь, будь то государство и военный режим. Институт характеризуется внутренней организацией, предполагающей отношения власти, авторитета, силы его представителей, традиций и дискурсов, образующих идеологический «*corpus*». Для исследования важно проанализировать формы организации различных задействованных

институтов, как происходили отношения власти и власти и какие традиции и дискурсы находились в конфликте в то время. Действовавший в то время военный режим с растущими ограничениями гражданских свобод и все более авторитарными характеристиками был объектом противоположных демонстраций и сопротивления со стороны значительного числа студентов IFT. Таким образом, не только в этом контексте, но и в более широком контексте, ставящем под сомнение авторитеты и традиции, необходимо искать понимание того, что такое политический институт, как характеризовались отношения власти и власти, что мотивировало применение насилия с кто сопротивлялся режиму и были ли действия кардинала-архиепископа Сан-Паулу в то время, которые привели к исчезновению IFT, произвольными и авторитарными.

В этой статье были использованы некоторые работы Х. Арендт и Норберто Боббио для понимания концепций, упомянутых выше. Мысль Ханны Арендт, еврейской писательницы, родившейся в Ганновере, Германия, в 1906 году, из богатой и интеллигентной семьи, весьма интересна в связи с вышеупомянутым периодом. Она поступила в университет в Марбурге в 1924 году, а затем в Гейдельберге, где была ученицей Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса. С приходом к власти Национал-социалистической немецкой рабочей партии и серией преследований евреев Ханна Арендт, бежавшая из концлагеря, находит убежище в Соединенных Штатах в 1941 году, живя как «лицо без гражданства» до 1951 года, когда он получил гражданство США. Обладая обширной академической культурой, он написал несколько работ, особенно политических анализов. Он умер в возрасте 69 лет в Нью-Йорке в 1975 году.

Норберто Боббио (1909-2004), политический философ, историк политической мысли, писатель и итальянский сенатор, имеет в качестве одной из своих работ «*Dicionário de Política*», который использовался в этой работе, в его статьях «Власть», «Авторитаризм» и «Насилие». Одна из характеристик Н. Боббио - писать ясно, кратко, логично, точно и плотно, рассматривая каждую

тему в разных аспектах и учитывая многих недавних мыслителей, когда он писал, связанных с этой темой.

Начнем с подхода к вопросу о тоталитаризме и его связи с историческим нарративом у Х. Арендт, поскольку в 1960-е годы, в условиях холодной войны, неминуемость господства тоталитарных мыслей всегда представляла реальную опасность, будь то из-за наступления коммунизма, будь то военным режимом или протестными движениями того периода. Ответвлением тоталитаризма являются понятия «радикальное зло» и «банальное зло», действенные проявления которых присутствовали в актах насилия и жестокости в различных группах, находящихся в шоке. Тогда понятия «авторитет» и «авторитаризм» будут синтезированы в соответствии с подходами Х. Арендт и Н. Боббио и через контекстуализацию Церкви 1960-х гг. допрошенный. Наконец, будет кратко освещена нынешняя связь между политикой, как пространством для дебатов и свободы, и использованием насилия всегда как нарушение политической сферы. Некоторые аспекты истории ИТ показывают катастрофические последствия, которые могут иметь неправильное понимание власти, одностороннее применение власти и отсутствие диалога или свободных дебатов.

2. ХАННА АРЕНДТ: ТОТАЛИТАРИЗМ И ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

Карин А. Фрай, исследователь мысли Ханны Арендт, говорит, что «интегральность теории Арендт защищает важность различных мнений и стремится избежать подавления свободного обмена идеями, обычного для тоталитарных правительств» (FRY, 2010, стр. 11). Тем не менее, согласно этому автору, Ханна Арендт заявляет в своей работе «*A condição humana*», что ее интеллектуальный проект связан «не более чем с размышлениями о том, что мы делаем» (FRY, 2010, стр. 11; ARENDT, 2007, стр. 13). Понимание теории и ее связи с повседневной практикой в мире составляют суть работы Ханны

Арендт. Среди основных понятий, которые обсуждала и углубляла Ханна Арендт, можно назвать: «тоталитаризм», «банальность зла», «свобода и политическая практика», власть, сила и насилие. Ханна Арендт также анализирует требования и студенческие движения 1960-х годов.

Подход Ханны Арендт к «тоталитаризму» интересен не только для понимания военного режима в Бразилии в 1960-х и 1970-х годах, но и для анализа движений сопротивления против него. И военный режим претендовал на «гарантию свободы», и движения протеста против него претендовали на стремление к свободе. Военный режим применял насилие против сопротивления, путем тюремного заключения и даже практики пыток, так же как нельзя не учитывать, что многие группы сопротивления, особенно вооруженные городские партизаны, как правило, марксистские, также применяли насилие, пытки, практику «правосудия»[2], кражи и грабежи, особенно банков, нападения на учреждения и общественные места, похищения людей и различные формы партизанской войны во имя мнимой «демократии», за дискурсом которой, однако, скрывались проекты установления «диктатуры пролетариат». То, что мы имеем, это конфликты между двумя «диктатурами», обе с «демократическим дискурсом». Какие идеологические элементы присутствуют в военном режиме и в движениях сопротивления, что концепции «тоталитаризма», «банальности зла», авторитета, «свободы и политики», власти и применения насилия, по мысли Ханны Арендт, делают более понятными?

Когда Ханна Арендт касается истоков тоталитаризма, как называется одна из ее работ, она намеревается показать, «как тоталитаризм возник политически и какие политические и индивидуальные неудачи способствовали его появлению» (FRY, 2010, стр. 19). В «*Origens do Totalitarismo*» (1951 г.) и «*Eichmann em Jerusalém*» (1963 г.) Х. Арендт исследовала условия, которые способствовали возникновению и жестокости тоталитарных режимов. В своем анализе судебного процесса и насильственного осуждения Адольфа Эйхмана,

ответственного за депортацию миллионов евреев в концентрационные лагеря, Х. Арендт теоретизирует о механизме, который внутри каждого человека позволяет процветать тоталитаризму. В осмыслении этого феномена она стремится найти смысл в «бессмысленности» тоталитаризма и пытается определить сущность этой политической системы как нового явления, не планируемого и не структурированного, характеризующего себя, однако, как хаотическое движение разрушения, неутилитарный, безумно динамичный, нападающий на все атрибуты человеческой природы и человеческого мира, которые могут сделать политику возможной (FRY, 2010, стр. 21-23).

В «*As Origens do Totalitarismo*», особенно в исправленном конце, озаглавленном «Идеология и террор» (ARENDET, 198, стр. 512-531), Х. Арендт критикует отношения между тоталитаризмом и некоторыми теориями истории и природы: теории современные телеологические теории истории или теории, утверждающие, что человеческая история есть всеобщий процесс, идущий к определенной цели, цели и цели, «телосу». Центральной идеей этих теорий является утверждение о том, что человеческий вид развивается на протяжении всей истории и увеличивается с течением времени. Гегель и Маркс утверждают не только конец истории, но и возможность познания содержания этого конца. Маркс даже предполагает, что можно что-то сделать, чтобы «ускорить» конец, который подразумевает освобождение рабочего. История — это то, чем можно управлять, что можно контролировать, и она больше относится к будущему, чем к прошлому. «Действие» — это то, что приводит к концу истории, что подразумевает политику, а не простое обобщение прошлого.

Современные тоталитаризмы 20-го века предполагают веру в то, что лидеры могут иметь доступ к тайнам истории и природы; и контролировать их. Акцент делается больше на понимании движения и процесса истории и природы, чем на цели; это, в свою очередь, недостижимо. Таким образом, понятия «развитие» и «прогресс» становятся ключами к пониманию процессов. Тогда

история рассматривается с точки зрения того, как происходят процессы, как их можно контролировать и воспроизводить. Люди — не простые наблюдатели, а «фабриканты» исторических процессов. Таким образом, методология тоталитарных режимов состоит в фабрикации процессов истории или природы. В тоталитарном взгляде на природу и историю «вмешательство в природу» или «вмешательство в историю» подразумевается как указание на политический эффект таких идеологических убеждений.

Нацизм состоял из тоталитарного режима, руководствовавшегося созданием законов природы с обязательством создать чистую расу людей. Его цель состояла в том, чтобы помочь процессу в природе, чтобы поддержать закон природы, который каким-то образом не смог сохранить себя. Сталинизм, в свою очередь, состоял в фальсификации закона истории благодаря своей приверженности бесконечному созиданию марксистско-сталинского общества.

По своему способу действия тоталитаризм передает беспрецедентную власть в руки одного человека или правителя, который жертвует сиюминутными интересами в пользу крайней и фиктивной реальности, которая должна быть реализована в отдаленном будущем. Цель состоит в том, чтобы ускорить принятие законов как можно быстрее и шире. Классы, признанные «умирающими» или разлагающимися «историей» или «природой», будут преданы уничтожению. В этом заключается возможность «убийства» части общества, потому что, в конце концов, они уже находятся в упадке.

Непогрешимость силы лидера в управлении обществом и историей показывает бессилие простого человека. Успех режима заключается в движении и расширении к цели, которую невозможно достичь, жертвуя всем ради идеологии. Таким образом, устанавливается жесткая шкала мысли, которая не поощряет свободных вопросов режима. Атмосфера паранойи и страха препятствует свободным политическим действиям и направлена на то, чтобы положить конец любому инакомыслию. «Когда начинают проявляться

тоталитарные движения, положить им конец крайне сложно, если только лидера каким-то образом не убить или не убить» (KARIN, 2010, стр. 41).

Теория истории Х. Арендт противопоставляется тоталитарной идеологии: история состоит из нарративов и рассказов, которые напоминают действия отдельных личностей и придают им смысл для общества. Происхождение истории лежит в легендах, которые важны, потому что они объясняют истинное значение события для сообщества. Они не состоят из фактических репрезентаций того, что произошло в прошлом, а служат позднейшей коррекцией реальных фактов и событий, поскольку подчеркивают истинное значение события для сообщества независимо от фактов. Дополитическое и доисторическое условие заключается в том, что каждая конкретная жизнь между рождением и смертью может, в конце концов, быть рассказана как история с началом и концом. После смерти все, что остается от жизни, — это истории, которые другие могут рассказать об этом человеке. Таким образом, историк, поэт, художник, писатель и строитель памятников — это люди, строящие нарративы о прошлом, способные раскрыть человеческую деятельность.

Исторические нарративы могут быть построены, потому что политические действия всегда создают истории, созданные ретроспективно, и такими историями можно поделиться публично. Это не исчерпывающий рассказ о действиях одного человека. Они могут быть переработаны, и их значение со временем меняется. Точно так же, как смысл истории может быть пересмотрен, искусство повествования раскрывает смысл, не допуская ошибки его определения, и позволяет по-разному интерпретировать значение действия в будущем. История отмечает индивидуальные действия и рассматривает человека не как лишнего, а как важного участника общества.

В телеологической и тоталитарной теориях истории негативные события могут быть оправданы как нежелательные, но необходимые побочные эффекты,

обусловленные великой схемой истории. Человек приносится в жертву целям истории или природы. Таким образом, могут быть устранены целые слои общества, чтобы уступить место идеологическим законам природы или истории.

Нарратив у Х. Арендт не устанавливает целей рассказа, а постфактум интерпретирует действие. Он сохраняет значение для конкретных событий, не создавая метанарратив, и избегает самодовольного чувства контроля, лежащего в основе тоталитарных теорий истории и природы (KARIN, 2010, стр. 21-44).

По мере того, как сопротивление режиму со стороны различных групп, от студенческих движений до вооруженных партизанских движений, усиливало его эффективность в глобальном контексте холодной войны и, в Бразилии, исключительного режима, который все чаще характеризовался как внутренняя война, суммарные аресты и пытки с одной стороны, стали повторяющимися практиками. С другой стороны, однако, со стороны групп сопротивления практики были не менее устрашающими и преступными: похищения людей, грабежи, нападения на общественные места, такие как аэропорты и военные объекты, жестокая смерть мирных жителей и солдат.

Начиная с 1967 года часть студентов IFT постепенно участвовала в студенческих движениях. К настоящему моменту 34 имени, некоторые все еще сомнительные, другие явно принадлежащие членам IFT, особенно в его студенческом составе, были обнаружены вместе с медицинскими записями в архивах «Департамента Политического и Социального Порядка» - DEOPS[3] Сан-Паулу, государственное агентство общественной безопасности. Из этих найденных имен некоторые фигурируют как активные члены движений сопротивления военному режиму, таких как *Ação Popular*, AP, позже, с 1971 года, под названием *Ação Popular Marxista-Leinista do Brasil* (APML do B), *Vanguarda Popular Revolucionária* (VPR) или подпольные политические партии,

такие как *Partido Comunista do Brasil* (PC do B). Все эти группы были марксистами, стремившимися к вооруженной борьбе с целью насаждения диктатуры пролетариата перед коммунистическим обществом.

3. ХАННА АРЕНДТ: «РАДИКАЛЬНОЕ ЗЛО» И «БАНАЛЬНОЕ ЗЛО»

В 1963 г. Х. Арендт сопровождала суд и осуждение Адольфа Эйхмана и о чем написала произведение: «*Eichmann em Jerusalém*». В ней Х. Арендт пытается понять психический процесс тех, кто превратился из обычных граждан в людей, активно участвовавших в массовых убийствах других граждан, и влияние тоталитарной идеологии на преступность конкретного человека.

В «*Origens do Totalitarismo*» Х. Арендт обращается к понятию «радикального зла», в основе которого лежит вера в избыточность некоторых человеческих существ. В случае с Эйхманом она развила концепцию «банальности зла», считая, что он не был дьявольским, извращенным, расчетливым и садистским чудовищем. Для Х. Арендт тоталитарные режимы часто порождают людей, неспособных мыслить самостоятельно и понимать безнравственность своих действий, поскольку все, что они делали, было санкционировано законом и поддерживалось действующей властью. Таким образом, зло тривиально не потому, что оно неважно, а потому, что оно может произойти без дьявольского умысла и часто является результатом колоссального провала мышления. Тоталитаризм способствует разрушению образа мышления людей. Эйхман был неразумным человеком, самым существенным недостатком его характера была его неспособность смотреть на что-либо с точки зрения другого, его черствость и готовность участвовать в жестоких действиях нацистов. Большим недостатком Эйхмана было его нежелание посвятить себя моральному мышлению. Он защищал свои аморальные действия, действуя в рамках закона, делая все возможное, чтобы выполнить свою задачу по соблюдению закона. Для Х. Арендт извращенные политические действия не всегда

совершаются чудовищами, а могут происходить по причине крайней бесчувственности и неосмысленности даже среди людей, поначалу не особо плохих. Поскольку в тоталитарном обществе воспитываются навыки критического мышления, люди способны придерживаться кодексов или правил поведения. Однако тоталитарный режим может изменить содержание кодексов поведения в любое время, и новая ориентация получает признание из-за отсутствия моральных знаний для оценки изменений. Таким образом, тоталитаризм порождает новый тип преступника: тот, кто убивает как часть своей карьеры и даже не знает, что это неправильно. Политическое суждение — еще одна способность, которая атрофируется в тоталитаризме.

Поскольку тоталитаризм способствует избыточности людей, описание зла как «банального», по-видимому, сгущает избыточность личности, присущую концепции «радикального зла» (ARENDT, 1989, стр. 45-50).

O totalitarismo surge parcialmente porque o livre pensar e falar são negados, e devido a isso, o bom-senso perde seu gancho com a realidade. O governante totalitário oculta ou torna inacessível a prova dos horrores cometidos pelo regime, de modo que, até mesmo para o mundo exterior, o senso comum se nega a crer no que deveras está acontecendo na comunidade (ARENDT, 1989, стр. 51).

Усеченный здравый смысл значительной части общества, а также ограниченная способность правильно оценивать политическую ситуацию позволяли усваивать новые обычаи среди таких групп и способствовали политической пассивности тех, чье нравственное мышление не было столь скомпрометировано.

Х. Арендт развивает политическое видение, подчеркивающее примат индивидуальности и уникальность человеческого актора, поэтому противопоставляется всякой политике, считающей граждан излишними (ARENDT, 1989, стр. 52-53).

Существование всех без исключения институтов является социально-политическим фактом, требующим таких понятий, как свобода, власть, авторитет, которые, в свою очередь, разграничивают оправдания применения принуждения и насилия. IFT существовал как философское и теологическое учебное заведение, организованное группой религиозных орденов и конгрегаций. В этом учреждении существовала академическая директория, которая, в свою очередь, определяла действия интегрированных в нее студентов и организовано способствовала демонстрациям против действующего военного режима. Католическая церковь, которая продвигала вселенский собор с новыми перспективами христианской и церковной деятельности, также принесла с собой сильный вес традиции и внутренней дисциплины, которые в то время подвергались сильным сомнениям. Бразильское государство, политически отмеченное большой институциональной нестабильностью, в условиях холодной войны, с антикоммунистической традицией, было отмечено в то время большими внутренними расхождениями между социалистическими предложениями, воодушевленными недавней победой кубинской революции, и преемственностью с капиталистический расклад. В государственном насилии при военном режиме с прогрессивными чертами от авторитаризма к диктатуре и групп сопротивления понятия «радикальное зло» и «банальное зло» помогают понять зверства, совершаемые в актах пыток, нападений и зверских смертей как путем одними и другими. Тенденция исторических исследований последних десятилетий сосредоточена на насилии, совершаемом государством. Мало что изучается и публикуется о насилии, совершаемом группами вооруженного сопротивления. Если при военном режиме в государстве существовало «банальное зло», то оно проявлялось и в партизанских отрядах, как городских, так и сельских, и было не менее жестоким.

3.1 ВЛАСТЬ И АВТОРИТАРНОСТЬ

Во многих эссе Х. Арендт исследует такие актуальные политические понятия, как авторитет, власть и свобода. Среди наиболее распространенных его работ в этом расследовании — «Между прошлым и будущим», «О революции» и «О насилии». В своей работе «Между прошлым и будущим» она обращается к своему исследованию в таких главах, как «Что такое авторитет?», «Что такое свобода?» и «Правда и политика». В центре внимания следующего подхода находится понятие «Авторитет» с точки зрения Х. Арендт и Н. Боббио.

Согласно Х. Арендт, современный мир характеризуется постоянным, нарастающим и углубляющимся кризисом «авторитета», возникающим в результате самих политических режимов или движений, таких как напряженность между тоталитарными режимами и политическими партийными системами. Этот кризис власти затрагивает даже «дополитические» сферы, такие как воспитание детей и образование, где он понимался как «естественная необходимость» для выживания как отдельного ребенка, так и социальной группы. Такой образ мышления традиционно был основой для многих авторитарных форм правления. «Как практически, так и теоретически мы больше не в состоянии знать, что такое власть на самом деле» (ARENDDT, 2011, стр. 128).

Один из способов трактовки Н. Боббио понятия авторитета как «стабилизированной власти». Термин происходит от латинского «*auctoritas*», которое изначально поддерживает тесную связь с понятием «власть», иногда используется как синоним или выделяет себя как вид или источник власти. Таким образом, власть можно понимать как «стабилизированную» и «институционализированную» власть, которой субъекты оказывают «безоговорочное повиновение». Как правило, такое понимание достаточно четко применимо в сфере управления, часто подразумевая подчинение приказам без оценки их содержания. Под послушанием понимается получение

приказа или сигнала от кого-то, кто передает сообщение без объяснения причин и ожидает его безоговорочного принятия (BOBBIO, 1998, стр. 88).

Понятие авторитета как у Х. Арендт, так и у Н. Боббио противопоставляется понятию власти путем убеждения, т. е. использования аргументов в пользу долга или возможности определенного поведения в отношениях власти (BOBBIO, 1998, стр. 89). Для Х. Арендт не только контрастирует, но для нее авторитет и убеждение несовместимы, так как последнее предполагает равенство и действует посредством аргументации. «Там, где используются аргументы, авторитет приостанавливается» (ARENDET, 2011, стр. 129). Это связано с тем, что, по ее мнению, эгалитарный порядок убеждения несовместим с авторитарным порядком, который всегда иерархичен.

В качестве «устойчивой и институционализированной власти» Н. Боббио использует некоторые различия типов власти, такие как «принудительная», «вознаграждающая» и «нормативная»; и ориентации подчиненных по отношению к власти, такие как «отчужденность», «расчетливость» и «моральность». Как и у Х. Арендт, в таком понимании властные отношения часты и диффузны в обществе, как и в отношениях между родителями и детьми, учителем и учеником, религиозным лидером и верующим, бизнесменами и служащими, военачальником и солдатами, правительством и гражданами. Таким образом, власть формирует базовую структуру любого типа организации, отношения которой асимметричны, поддерживают иерархический порядок и нацелены на социальную единицу. Такое понимание основано на иерархическом и стабильном характере власти, не свободном от конфликтов между «установившейся властью» и «формирующейся властью» (BOBBIO, 1998, стр. 89-90).

Другой подход, представленный Н. Боббио, - это подход власти как «легитимной власти», поскольку часто существует явное противоречие между «принудительной властью» и определенными формами власти узурпаторов,

завоевателей и тиранов. Таким образом, не всякая устойчивая власть будет «авторитетом», что порождает понятие о ней как о «легитимной власти». В качестве «легитимной власти» авторитет сохраняет положительную ценность в своих отношениях с властью, подразумевая оценочное суждение и участие отдельных лиц или групп в тех же властных отношениях. Ценностное суждение относится к самому источнику власти, определяя объем права распоряжаться и обязанности подчиняться. Это понятие авторитета, которое считает признание власти законным, порождает стабильность и готовность подчиняться, которые могут быть «устойчивыми», но не постоянными (BOBBIO, 1998, стр. 90).

Для Х. Арендт определение авторитета требует противопоставления принуждению через силу и убеждению через аргументы. «Авторитарное» отношение между тем, кто командует, и тем, кто подчиняется, основано не на здравом разуме, не на силе того, кто командует, а на самой иерархии, признаваемой обоими легитимной и предопределяющей место каждого один. Для нее потеря авторитета в современном мире — завершающая фаза процесса, который веками подрывал религию и традиции. С потерей традиции была потеряна нить безопасности прошлых доменов. Утрата религии произошла из-за сомнения в религиозной истине, что не обязательно означает «утрату веры» (ARENDR, 2011, стр. 129-130).

Под тиранией Г. Арендт понимает форму правления, осуществляемую по воле тирана, тогда как авторитарное правление ограничено законами и имеет свою власть, происходящую от внешней силы и превосходящую саму власть, что придает ей легитимность и подтверждение (ARENDR, 2011, стр. 134; ARENDR, 2011, стр. 278).

Переводя в образы, Х. Арендт использует «пирамиду» и «луковицу», говоря об авторитарных моделях характера. В пирамидальной форме местонахождение власти находится наверху, от которого «власть и власть просачиваются вниз к

основанию», в слоях с меньшей и меньшей властью по отношению к верхним слоям, но которые взаимосвязаны общей точкой: вершина пирамиды; и к трансцендентному источнику власти над ним. Такова христианская модель авторитарного правления. «Луковичная структура», по ее словам, является образом тоталитарного правительства и организации. В центре — ведущий. Что бы он ни делал, будь то интеграция политического тела или угнетение подданных, он делает это изнутри, а не извне или сверху. Эта структура представляет собой «фикцию нормального мира», где фанатизм и экстремизм якобы отсутствуют (ARENDR, 2011, стр. 135-136). Из этих структур он обращается к некоторым тенденциям западного мира, таким как либерализм, ориентированный на свободу, консерватизм, сосредоточенный на вопросе власти, и «социальные науки», характеризующиеся функционализацией концепций и идей. Во всех них насилие часто рассматривается как функция власти (ARENDR, 2011, стр. 138-140).

Отношения с насилием определяют и для Х. Арендр, и для Н. Боббио неоднозначность понятия власти, как «иного средства осуществления власти», считая ее использование в отношении «диссидентов» легитимным. «Применение насилия становится возможным в большей или меньшей степени на основе веры в легитимность, превращающую власть в авторитет» (BOBBIO, 1998, стр. 92). Вера — это психологический фактор с ярко выраженным идеологическим характером. Незначительная вера в легитимность власти и применение насилия порождает глубокий конфликт, являясь одной из характеристик авторитаризма: притязание на право командовать без согласия подчиненных; требование безоговорочного подчинения, когда субъекты намереваются обсудить содержание полученных приказов; иметь власть как легитимную для тех, кто ей обладает, но не признается таковой теми, кто ей подчиняется (BOBBIO, 1998, стр. 92-94).

A autoridade é muitas vezes contaminada e apresenta, sob vários aspectos, uma característica de ambiguidade. Ela pode

ser geradora de violência, na medida em que a crença na legitimidade de alguns consente o emprego da força em relação a outros; pode ser “falsa”, na medida em que a crença na legitimidade não é uma fonte mas uma consequência psicológica, que tende a esconder ou deformar; pode ser apenas “aparente”, na medida em que o titular legítimo do poder não detém o poder efetivo; e pode transformar-se em autoritarismo na medida em que a legitimidade é contestada e a pretensão do governante em mandar se torna, aos olhos dos subordinados uma pretensão arbitrária de mando (BOBBIO, 1998, p. 94).

Говоря об «авторитаризме», Н. Боббио делает это в трех контекстах, а именно: в политических системах, характеризующихся прежде всего уничтожением, сокращением и опустошением оппозиции; в психологических склонностях личностей с крайними установками преклонения перед «высшими» и презрения к иерархически или социально «низшим»; и, наконец, в идеологиях — как отрицание равенства между людьми, с упором на иерархический принцип и возвеличивание, как добродетель, авторитарных черт личности.

Авторитаризм поддерживает «принцип авторитета» как центральный, но с особым уклоном: связь между «аподиктическим приказом» и безоговорочным подчинением; редуцированный смысл и обусловленный глубоко иерархической структурой, поддерживаемой видением неравенства между людьми; исключение или сведение к минимуму участия людей во власти; замечательное использование принудительных средств, которые навязывают повиновение, обходятся без согласия подданных и угнетают свободу. Часто такие термины, как авторитаризм, диктатура и тоталитаризм, используются в оппозиции к демократии, однако границы между ними нечетки и неустойчивы в разных контекстах. Термин авторитаризм обычно применяется к недемократическим системам с низкой степенью мобилизации и проникновения в общество (BOBBIO, 1998, стр. 94-95).

«Противоположность между авторитаризмом и демократией заключается в направлении передачи власти и в степени автономии политических подсистем

(партий, союзов и вообще всех групп давления)» (BOBBIO, 1998, с. 100). Таким образом, авторитарные режимы и институты характеризуются отсутствием парламента и всенародных выборов, чисто церемониальным характером институтов, отсутствием свободы подсистем и подавленной или стесненной оппозицией. Наблюдаются три формы авторитарных режимов: беспартийный, однопартийный и многопартийный. Общей для всех их чертой является ограниченность проникновения и мобилизации общества. О демократии Н. Боббио говорит: «Демократическая политическая система предполагает демократическое общество» (BOBBIO, 1998, стр. 103). Простое соответствие между обществом и политическим режимом не обязательно подразумевает «изоморфизм».

Исследования авторитарной личности и отношения показывают их присутствие как в «фашистских» идеологиях, так и в левых идеологиях, и существует тенденция минимизировать применение термина к последним, которые, по крайней мере, могут быть включены в «тоталитарные» идеологии. Авторитарные личности и взгляды обычно характеризуются чувствительностью к антидемократической пропаганде; верой в авторитет и повиновением высшим и презрением к низшим; готовностью нападать на слабых людей; острой чувствительностью к власти жестким и конформистским образом; «мышлением», направленным на власть; двусмысленной нетерпимостью, которая ищет убежища в элементарно и негибко структурированном порядке, в стереотипах мышления и поведения; амбивалентным отношением к власти с покорным отношением, с одной стороны, и враждебностью и агрессивностью, с другой.

Авторитарные идеологии не только защищают иерархическую организацию общества, но и делают эту организацию исключительным принципом достижения порядка, считающегося высшим благом. В целом авторитарные доктрины антирационалистичны и антиэгалитарны, с навязчивой заботой о

порядке (BOBBIO, 1998, стр. 95). Для Х. Арендт современные идеологии представляют собой нынешний «опиум для народа».

«Современные идеологии, будь то политические, психологические или социальные, гораздо лучше подходят для иммунизации человеческой души от травмирующего воздействия реальности, чем любая известная нам традиционная религия» (ARENDET, 2011, стр. 179).

IFT был церковным институтом и, как таковой, недемократическим. Церковная организация основана на чувстве власти, со сложностью различных уровней и весов, начиная от коллегиальных инстанций, таких как соборы, синоды, епископские конференции, религиозные конференции, главы в религиозных орденах и конгрегациях, епархии, прихода и общины, вплоть до иерархических уровней епископов, священников и диаконов. Образ пирамиды, а тем более луковицы, использованный Х. Арендт, не дает точного представления об измерении чувства власти и осуществления власти в Церкви, будучи слишком упрощенным. Однако 1960-е годы — это период, когда жесткие формы понимания власти и осуществления власти подвергались острому сомнению в поисках новых форм институциональной организации. Произошло напряжение между устоявшимися формами и поиск нового опыта среди правового вакуума после Второго Ватиканского Собора, чей кодекс канонического права подвергался пересмотру и был утвержден только в 1983 году.

4. ЦЕРКОВНЫЙ КОНТЕКСТ В 1960-Е ГГ.: РАЗРЫВ С ТРАДИЦИЕЙ?

Отказ от тридентской эры и столкновение с современностью привели многие слои духовенства и семинарий к кризису идентичности в 1960-х и 1970-х годах. Этот период был отмечен массовым протестом против того, что считалось «устаревшим тридентским орденom»: богословие механическое, вялая педагогика, авторитарная дисциплина и сексуальное подавление. И

семинаристы, и священники посвятили себя построению новой модели священства; переоценил священническое и религиозное призвание и его социальную функцию; они модернизировали, политизировали и профессионализировали священство посредством новых форм богословия, педагогики и духовности.

Семинары в этот период пытались организоваться на национальном уровне, бросая вызов епископам и даже военному правительству Бразилии. Студенческий радикализм среди семинаристов и верующих, в своеобразной «церковной контркультуре», проявлялся как политический протест, требование большей открытости миру и требование социальной справедливости. «Выбор путей не всегда был для них ясен и уж точно не был неизбежен» (SERBIN, 2008, стр. 157). В период с 1961 по 1967 год представители семинаристов из Эспириту-Санту, Минас-Жерайс, Рио-де-Жанейро, Гуанабара, Сеара, Мараньян, Параиба, Пернамбуку, Сержипи, Баия, Сан-Паулу, Парана, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул и Колехио Пио Бразилейро в Риме они организовывались и встречались несколько раз, пытаясь создать «Национальный союз крупных семинаристов Бразилии».

Созыв Второго Ватиканского Собора «открыл шлюзы инноваций»; произвел амбивалентность и парадоксы: радость, ликование, разочарование, замешательство, гнев и неуверенность; а в Бразилии это совпало с политическими беспорядками, приведшими к свержению президента Жоао Гуларта в 1964 году, репрессиями и применением пыток со стороны военного режима, с последующим кризисом между церковью и государством, церковью и вооруженными силами. В тот же период отдельные части церкви представляли себя как «Церковь бедных» или «Прогрессивная церковь» с новыми пастырскими и религиозными выражениями.

Реформа семинарий основывалась на критике тридентской системы, однако ее программе не хватало ясности. Сложность момента, критика единой

программы для всех семинаров, требование адаптироваться к местному контексту усиливали, с одной стороны, «*aggiornamento*» и порождали другие резкие критические замечания, такие как «антидисциплинарность». Для тех, кто защищал семинарскую реформу, «изоляция тридентской системы» искажала реальность и эмоциональное, аффективное, социальное и культурное развитие семинаристов; Требовалось «дополнительное безбрачие» и ставились под сомнение католические концепции сексуальности и гендерных отношений.

Более свободное поведение семинаристов в плане часов, ношение рясы, общинная молитва беспокоили начальство, пытавшееся сохранить некоторые «старые обычаи». Яростное противостояние авторитаризму и «слепому послушанию» подчеркивало поиски «диалога» и переживания «взрослого католицизма». Поиски более практического и пастырского характера спровоцировали даже намерение устранить философию из церковных исследований, заменив ее гуманитарными науками, такими как социология, антропология, экономика, история или психология, и намерение деинтеллектуализировать богословие, сделав его более понятный пастырский инструмент для мирян.

Вместо больших семинаров были предприняты усилия по формированию небольших сообществ в периферийных районах. Попытки «очеловечить» священство многих побудили к политическим мотивам, национализму и отказу от романизации. «Когда по всему миру вспыхнуло студенческое движение, движение семинаристов уже приняло гуманизм II Ватиканского собора» (SERBIN, 2008, стр. 186) [4].

Напряженность была такой, что многие семинарии в Бразилии были закрыты. В Сан-Паулу IFT, действовавшая с 1965 года и правление которой состояло из верующих из разных конгрегаций, поссорилась с кардиналом Аньело Росси и военными властями. Участие студентов IFT в демонстрациях против режима и

критика директора о. Хосе Фрейтас Невес, Пауло VI и телепрограмма «*Humanae Vitae*» стали аргументами, которые привели к ее закрытию в конце 1969 года.

Книга протоколов Академического директората XI октября, написанная также по форме D.A.XI.X, официального представительного органа студентов IFT, состоит из переплетенного комплекта с черной обложкой, разлинованными и пронумерованными страницами на лицевой и оборотной сторонах, в всего 100 страниц, из них 98 письменных страниц; страницы 39 и 40 отсутствуют (видно, что они вырваны); страницы 52, 53 и 84 пусты. Он содержит Учредительный протокол и Устав от 23 апреля 1966 г., результаты выборов и список из 102 кандидатов. Всего было засчитано 27 минут встреч. К книге на отдельных отдельных листах приложена копия письма кардиналу Д. Аньело Росси от 23 сентября 1968 г., в котором окружной прокурор приглашает его на «диалог» со студентами; и список вопросов к кардиналу и другие вопросы к Д.А. Этот документ открывает перспективы для дальнейших исследований отношений религиозного студенчества с церковной иерархией, с военным режимом и со студенческими организациями того времени. Все указывает на то, что слово «диалог» между кардиналом и группой, подвергавшей сомнению его методы и процедуры, было новшеством, еще недостаточно усвоившимся.

В целом, отношения студентов с Национальным Союзом Студентов (UNE)[5] и Государственным Союзом Студентов (UEE)[6] обсуждаются в протоколе. Многие рассматриваемые темы относятся к взаимосвязи между христианскими ценностями и капиталистической и социалистической системами; участие христиан в политических и общественных движениях; и сопротивление военному режиму, включая формы демонстраций против режима и средства для церковной иерархии более четко позиционировать себя перед лицом политической ситуации в стране[7]. Один из президентов D.A. был о. Тито Аленкар, доминиканец, арестован, подвергнут пыткам, сослан. Он страдал психическими расстройствами и покончил жизнь

самоубийством во Франции 8 августа 1974 года. В протоколе также показана активная роль студентов, присоединившихся к IFT с момента ее основания в 1965 году до ее закрытия в 1969 году.

Туманный дискурс о священническом призвании после Собора вызвал множество исследований, породил многочисленные тексты и исследования. Для К. Сербина переход между предсоборным беспокойством и постсоборным смятением был чрезмерно быстрым, что привело к кризису в духовенстве. Старшие священники не понимали реформ, а молодежь раздражала задержка с проведением намеченных реформ. Он указывает на три предполагаемые причины исхода священников и семинаристов в конце 1960-х годов: обязательное безбрачие; отсутствие твердой позиции епископов против режима; и разочарование в ожиданиях относительно Второго Ватиканского Собора.

По мнению К. Сербина, модернизация Церкви была не чем иным, как «робкой демократизацией», поскольку «Трент не исчез»; семинаристы 1960-х и 1970-х годов составляли поколение идеалистов. «Возможно, они надеялись произвести революцию во всех аспектах священства в мгновение ока» (SERBIN, 2008, стр. 200). Эти молодые люди разделяли устремления других молодых радикалов в других частях мира. Многие искали подлинную национальную идентичность среди менее привилегированных классов, но они не были освобождены от другого парадокса: почитание бедных, с одной стороны, и неприятие народной религиозности, с другой. Лишь несколько десятилетий спустя будет найден противовес этому парадоксу (SERBIN, 2008, стр. 78-201).

В другой работе, основанной на секретных документах, ставших достоянием общественности в 1990-е годы, Кеннет Сербин проанализировал отношения между церковью и армией, стремясь обсудить их общие элементы, их различия и несовместимости, в какие моменты они сотрудничали друг с другом

и причины что привело к конфликту между «крестом» и «мечом» после 1964 г. (SERBIN, 2001, стр. 79). Для него и церковь, и армия были институтами, которые стремились повлиять на процесс установления республики в стране, учитывая напряженность между «традицией» и экономическим развитием, быструю и массовую урбанизацию, периодические попытки установления демократии и медлительность в социальной сфере реформы.

Оба учреждения поддерживали диалектические отношения сотрудничества и конкуренции и стремились представить себя представителями бразильской национальной идеологии, религиозных традиций, патриотизма и общественного порядка. Церковь сделала это через идею «христианской Бразилии», а Военная — через позитивистскую этику «порядка и прогресса». Церковь и вооруженные силы были единственными институтами, разбросанными по территории страны, для «национальной интеграции» которых они сотрудничали, делая упор на иерархию, послушание и дисциплину. В обоих преобладал мужской элемент, однако и в них были идейные различия: один с духовностью проповедовал мир; другой находился в готовности к войне; одно было создано как транснациональная организация, а другое как национальное учреждение. Обучение в академиях и семинарах принесло с собой противоположные взгляды на общество.

В республиканский период военные постоянно вмешивались в политику страны, жестко критикуя халатность правительства по отношению к армии и некомпетентность гражданских политиков. Культивируя жесткое уважение к власти, оно стремилось сохранить национальное единство, пересмотреть свои цели и свои механизмы социального контроля. Это позволило провести институциональное и дисциплинарное укрепление. С 1950-х годов в международном контексте «холодной войны» военные присоединились к дискурсу «национальной безопасности».

Католическая церковь, которая страдала от хронической институциональной слабости, после напряженных отношений с монархией в конце империи и с армией в начале республики, в процессе внутренней реставрации под руководством римского престола, институционально окрепла. Развивая идеологию неохристианства, с 1920-х годов он стремился к религиозной монополии и приобрел большой политический вес под руководством кардинала Леме, «морального согласия» с правительством Жетулио Варгаса, которое неофициально продолжалось с последующими правительствами до начала военного режима.

Несколько факторов также способствовали подходу церкви к армии: упадок позитивизма, сотрудничество церкви в наборе военных, восстановление военных капелланов в 1930-х годах, приверженность церкви антикоммунистическому дискурсу, направление капелланов вместе с экспедиции во время Второй мировой войны. 1950-е годы характеризуются как апогей неохристианской модели и политики «добрососедства» между церковью, государством и армией. Их объединяли антикоммунистический дискурс, проекты экономического развития и взаимное сотрудничество в общественной работе.

По словам Кеннета Сербина, католическая церковь и вооруженные силы Бразилии в период с 1955 по 1974 год осуществили «двойную революцию», то есть предприняли усилия по модернизации и разработали новые идеологии в ответ на новые вызовы. С 1960-х годов внутренние разногласия поляризовались, и оба осуществили «двойную революцию», не социальную, а институциональную, политическую и религиозную.

Вооруженные силы после смещения Жоао Гуларта намеревались избежать «коммунизации» страны. Католическая церковь поддержала переворот, так как тоже боялась коммунизма. Однако применение насилия при радикализации

переворота поляризовало отношения между церковью и вооруженными силами.

Католическая церковь в процессе «религиозной революции» подчеркивала в своей речи социальную справедливость и повышала политическую и социальную активность новых поколений. В соответствии с «Доктриной национальной безопасности» христианская воинственность и государство столкнулись.

Кеннет Сербин также указал на еще один фактор: соперничество за политическое влияние между *Escola Superior de Guerra*, CNBB, *Partido Comunista Brasileiro* и *Instituto Superior de Estudos Brasileiros*. Для него также необходимо учитывать, что в армии было несколько тенденций, но с 1968 года преобладали «жесткие» с *Ato Institucional nº 5* (AI5), антипартизанской политикой вооруженных сил и полиции и использованием пыток.

Начиная с конца 1940-х годов несколько бразильских епископов призвали к реформе системы землевладения. В течение следующего десятилетия большая часть католической церкви придерживалась экономического национализма и дискурса социальных преобразований, ставя под сомнение модель «неохристианства». С созданием CNBB, начиная с 1952 года, епископат смог лучше координировать бразильское католицизм и приобрести большой внутренний и внешний политический вес. В начале 1960-х годов появились энергичные левые католики, особенно в рамках Бразильской католической акции. Изменения в пастырской ориентации со Вторым Ватиканским собором подчеркнули диалог между политическими идеологиями, правами человека и поиском новой католической идентичности, что породило неопределенность. Внутри самой церкви тенденции поляризовались между социальными и религиозными консерваторами и активистами, поддерживающими социальные и религиозные реформы.

Перед военным переворотом, в марте 1964 года, CNBB выступила с запутанным и противоречивым заявлением, поблагодарив Вооруженные силы за «спасение» Бразилии от коммунизма и попросив прекратить нападения на церковных активистов и защитить от «либерального капитализма». До начала 1970-х годов епископы очень настороженно относились к военному правлению и молчали об арестах и пытках «радикальных» католиков. Некоторые епископы сотрудничали в разоблачении и аресте «подрывных священников».

Ссылаясь на «Отчет Киссинджера», подготовленный в начале 1970-х годов, Церковь была определена как «единственное политически жизнеспособное учреждение, оставшееся в Бразилии», обладающее большой моральной силой и единственное, способное поддержать или бросить вызов правительству. В отчете также указывалось на существование четырех групп внутри католической церкви: реакционеров, умеренных консерваторов, прогрессистов и радикалов.

В конце 1960-х годов репрессии военного режима обострили напряженность между ультраконсерваторами и прогрессистами. Некоторые епископы начали осуждать пытки и насилие. Сектора армейского командования видели в Церкви гнездо подрывной деятельности. Для них церковь отказалась от своих религиозных функций и преувеличила вмешательство в государственные дела. В 1967 году армейские солдаты вторглись в дом Д. Валдира Калейроса в Вольта-Редонда, Рио-де-Жанейро. Этот факт вызвал сильное возмущение национального духовенства и обострил напряженность между епископами и генералами. Во время правления Медичи (1969-1974 г.) за Церковью якобы следили органы госбезопасности. В период с 1968 по 1974 год было арестовано более 100 священников, семеро убиты, несколько человек подверглись пыткам, некоторые иностранные священники были высланы из страны, многие культовые сооружения подверглись вторжению. Участились угрозы, обвинения, похищения, проникновение правительственных агентов, цензура, фальсифицированные и поддельные документы для компрометации

священников и верующих. Около 30 архиереев подверглись репрессиям. Несколько священников предстали перед судом за критику правительства в проповедях, за предполагаемое участие в подрывных организациях, за сотрудничество с беглецами и за защиту прав человека. Участились словесные нападки властей военного режима на Церковь. Органы государственной безопасности, такие как Департамент Политического и Социального Порядка (DEOPS) и армия, такие как Департамент Информационных Операций и Оперативный Центр Внутренней Обороны (DOI-CODI)[8], провели сбор данных и подготовили несколько отчетов епископов и священников.

Кеннет Сербин также заявил, что стратегии военного режима против прогрессивной церкви заключались в дискредитации радикальных священников посредством клеветы; в предоставлении большего пространства конкурирующим религиям (например, движениям Умбанды и пятидесятников); и в осуждении сексуальной безнравственности духовенства.

Католическая церковь усилила критику режима, особенно после ареста о. Натанаэль де Мораес Кампос в Вольта-Редонда. Реакция Церкви для К. Сербина заключалась в продвижении прав человека и осуждении зверств режима; поощрение социальных и идеологических изменений, противоречащих стратегии развития вооруженных сил; мирного, но чрезвычайно активного движения сопротивления со своими схемами избежать репрессий, типа: священники и лидеры должны иметь при себе только Библию. Стратегия реагирования церкви также предусматривала создание собственной информационной службы и поддержку интеллигенции с целью подрыва военного режима. В этом отношении важны работы таких интеллектуалов, как Алсеу Аморосо Лима, Пол Сингер, Фернандо Энрике Кардосо и Рут Кардосо.

По словам К. Сербина, напряженность между Церковью и Вооруженными Силами возникла как следствие болезненной попытки Церкви «модернизироваться». Одномерный взгляд на понятие «национальная безопасность» в Вооруженных Силах столкнулся с изменениями, вызванными Вторым Ватиканским Собором, и новым взаимодействием некоторых слоев духовенства с народными слоями общества как угрозой классовой структуре и общественно-политическая значимость военных. Еще для бразильца ухудшение отношений между церковью и вооруженными силами произошло из-за разного подхода к анализу вопросов, связанных с социальной справедливостью и подрывной деятельностью (SERBIN, 2001, стр. 79-133; MAINWARING, 2004, стр. 101-134).

По словам Хосе Оскара Беоццо, священника и историка католической церкви, Второй Ватиканский Собор пытался преодолеть светский разрыв между христианским Востоком и Западом и способствовать единству Церкви посредством диалога с другими христианскими церквями (BEOZZO, 2005, р. стр. 43-62). Сложность проявляется в самой семантике «католической церкви» с ее разнообразием обрядов и в номенклатуре церквей. Точно так же он пытался преодолеть разрыв с современным миром, начавшийся с Тридентского собора в 16 веке. Для него Второй Ватиканский Собор «[...] сломал наивное представление о монолитности позиций внутри Католической Церкви», открыл широкие дебаты для епископата, пересмотр и углубление внутренних структур Церкви и ее отношений с другими Церквями, нехристианскими религиями и даже с неверующими. Среди основных изменений, внесенных советом, он выделил:

1. Реформировал внутреннюю структуру Церкви; он переделал свою литургию; изменил связь Западной католической церкви с латинским языком (в учебе и литургии); сместила ось мессы с служащего на собрание верующих и их участие; он придавал одинаковое значение трапезе Слова и трапезе Евхаристии;

2. В экклезиологии он подчеркивал понятие «Народ Божий»; равное достоинство всех крещеных, сгруппированных в поместные церкви, в которых иерархическое служение строится как служение крещеным;
3. В учении о коллегиальности он искал точку сближения и равновесия между петровским первенством (папским первенством) и признанием «коллегии двенадцати» и их преемников, епископов, как авторитета с местной ответственностью и над Церковью в целом;
4. Что касается экуменизма, он подчеркнул общение и поиск единства среди христианских церквей и диалог с нехристианскими религиями, подчеркнув необходимость сотрудничества и взаимного уважения;
5. Он переформулировал отношения Церкви с миром.

Во время собора бразильский епископат был потрясен разнообразием языков, культур, рас, обрядов, обычаев, богословских и церковных течений, часто противоречащих друг другу, внутри самой католической церкви. Как во время собора, так и после него велась интенсивная богословская работа, а также выходило множество журналов и бюллетеней, отражавших интеллектуальный и религиозный подъем момента. Внутри самого епископата очаги сопротивления, традиционные богословы и часть общественного мнения противостояли нововведениям, предложенным собором.

De toda forma, o Concílio abriu um período de incertezas, de redistribuição do poder interno, de surgimento de novos organismos e experiências eclesiais, de acolhida ao ecumenismo e ao diálogo inter-religioso e de reformulação da tradição anterior, com uma volta às fontes e à grande tradição dos primeiros séculos (BEOZZO, 2005, стр. 52-53).

И не только неопределенностей, но и периода истощения, споров, разочарований в проведении реформ, усугубленных правовой неопределенностью. Около 20 лет Католическая церковь жила в «юридическом вакууме», в интенсивных внутренних дебатах о возможностях устранения традиционного канонического права, заменив его «

» Церкви с практическим применением в Особых Церквях, и сторонники разработки нового «Кодекса канонического права». Возобладала вторая тенденция, с утверждением нового кодекса в 1983 г.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

«Свобода» — решающая категория для Г. Арендт. Для нее политическое действие — это выражение спонтанности и начало свободы. Проявление свободы требует общения с другими людьми и контрастирует с «внутренней свободой Воли», общей темой в философской традиции. Если люди хотят быть свободными, они должны отказаться от суверенитета именно потому, что их действия по своей сути непредсказуемы и их нельзя подделать. Свобода существует между людьми и является внешней по отношению к индивидуальному духу (FRY, 2010, стр. 89-91).

«Подавление публичного пространства для обмена мнениями меняет политику, и правительство начинает функционировать как институт, обеспечивающий публичное обсуждение мнений» (FRY, 2010, стр. 92). Насилие — это всегда нарушение политической сферы; она всегда вне его, а в случае революции дополитична. Насилие остается вне политики, потому что ему не хватает дискурса.

Власть, по Г. Арендт, подразумевает послушание, в котором люди сохраняют свою свободу. Она, авторитет, уравнивает отношения между свободой и необходимостью подчиняться, отношения, необходимые для функционирования правительства. Кроме того, он дает ощущение долговечности, стабильности и связи с прошлым.

Власть требует свободного согласия. В правительстве его нельзя отождествлять с «авторитаризмом», так как он дается свободно и необходим для стабильного правления. Таким образом, думать обо всех проявлениях

власти с точки зрения авторитаризма — значит смешивать законную власть с нелегитимной властью.

Невозможно навязать истинную власть с помощью насилия, потому что власть существует вне власти и должна предоставляться по выбору граждан. Тоталитарные режимы воспользовались современной потерей власти, чтобы вмешаться, когда государственная власть больше не признавалась (FRY, 2010, стр. 105-107).

Обращаясь к студенческим движениям 1960-х гг., Х. Арендт обсуждает политическое использование насилия и его негативную роль в политике как подавление свободы в отличие от насилия, которое может быть необходимо для революций, направленных на свободу. Однако в целом насилие является противоположностью свободы, поскольку оно используется теми, кто отвечает за правительство, для давления и принуждения, что приводит к подавлению свободы людей. В то время как политическое действие болтливо, насилие немое, заглушает обмен мнениями и используется как средство для достижения определенных целей силой. Насилие неэффективно как политический инструмент для сохранения суверенной власти, потому что средства могут полностью превзойти цель.

Применение насилия по своей природе непредсказуемо и опасно, поскольку оно никогда не гарантирует надлежащего результата. Как только вводится насилие, боль и страдания распространяются на уровни, с которыми невозможно столкнуться или которые нельзя контролировать, и поэтому любые долгосрочные цели, преследуемые с помощью насилия, в лучшем случае становятся шаткими. Таким образом, практика насилия, как и любое действие, меняет мир, но наиболее вероятно изменение в сторону более жестокого мира.

Г. Арендт не согласна с сочетанием термина «власть» с «насилием», поскольку для нее власть возникает в группах посредством свободного выбора. Тираническим и деспотическим правительствам не хватает силы, потому что власть существует между людьми, которые говорят и действуют вместе, в гармонии, необходимой для того, чтобы их воля проявилась в мире, а не в грубой силе. Она проводит различие между властью и силой, силой и авторитетом (ARENDET, 2011, стр. 60-61; FRY, 2010, стр. 98-99).

Энергия касается одного человека или принадлежит объекту; власть — это люди во множественном числе, работающие вместе. Выносливость является самостоятельным свойством личности; власть возникает среди многих.

Сила характеризуется как энергия, высвобождаемая физической реакцией или социальным движением. Власть предполагает безусловное признание со стороны тех, кто добровольно решил подчиняться правительственным нормам.

Власть не есть власть над другими, но возникает вместе с другими; она не сохраняется внутри агента, а пребывает между агентами, когда они действуют вместе. Власть всегда «относительна».

Для Н. Боббио насилие понимается как физическое вмешательство индивида или группы в отношении другого индивида, группы или самого себя, добровольно, с целью уничтожения, оскорбления и принуждения, причем такое действие всегда идет против воли потерпевшего. Ее отличают от власти, так как власть есть модификация поведения индивида или группы, наделенная минимумом собственной воли и воздействующая на волю другого. Однако насилие характеризуется как вредное изменение физического состояния отдельных лиц или групп; влияет на состояние организма или его экологические и инструментальные возможности. Насилие можно различить как принудительную силу, основанную на санкциях, или как насилие под

угрозой или в действии. Для Н. Боббио другие формы принудительной власти с санкциями, кроме силы, характеризуются более конкретно как «манипуляция» (BOBBIO, 1998, стр. 1291-1292).

Власть, основанная исключительно на насилии, не может существовать, потому что все правительства нуждаются в поддержке верующих, чтобы действовать. Таким образом, применение насилия сигнализирует о бессилии правителей, которые не могут обычными средствами убедить народ в своей правоте, а появление насилия свидетельствует о том, что власть находится в опасности. Тирания представляет собой неудавшуюся попытку заменить власть насилием; Эта попытка провалилась, так как согласие людей не может быть достоверно достигнуто с помощью насилия. Насилие может разрушить власть посредством запугивания и страха, но оно не может создать ее, чтобы заручиться поддержкой какого-либо дела. Террор возникает, когда в политическом сообществе уничтожается всякая власть, и тогда насилие никогда не ослабевает, как в случае тоталитаризма.

Власть и насилие противоположны, потому что в властном состоянии насилие отсутствует, так как оно не нужно; в состоянии насилия сила отсутствует и не может быть генерирована насильственно. Упадок власти в сообществе становится открытым приглашением к насилию. Лидеры ошибочно полагают, что могут сохранить контроль с помощью насильственных средств (FRY, 2010, стр. 99-100).

Х. Арендт скептически относится к студенческой воинственности 1960-х гг., поскольку они выступали за применение насилия, как в случае с негритянским движением в США, или, как в случае с «новыми левыми», за политическое применение насилия положить конец угнетению.

Революции часто требуют насилия для установления новых законов и нового правительства для обеспечения свободы. Таким образом, если революция

возникает в связи с делом свободы, с согласия граждан насилие может быть допустимо. Власть, однако, не является чем-то, что может быть навязано по воле одного человека, а возникает между людьми, достигшими консенсуса. Политика открывает пространство для свободного обсуждения и расхождений. Таким образом, насильственные методы становятся ненужными, поскольку политический процесс производит власть людей, достигших соглашения путем убеждения (FRY, 2010, стр. 100-102; ARENDT, 2011, стр. 63-74).

Все эти концепции тоталитаризма, радикального зла и банального зла, авторитета, свободы, власти и политической практики, как они исследованы Х. Арендт и Н. Боббио, являются освещающими инструментами для IFT и его институциональных отношений на нескольких уровнях. В то время, когда понятие власти сдерживалось как в рамках государственной политики, так и в церковном и университетском мире, формы организации и внутренние дискурсы в каждом из них в данный момент сталкивались: IFT с военным режим и иерархия католической церкви в Сан-Паулу; католическая церковь с самим военным режимом позже. В игру вступило применение физического насилия или других форм манипуляции, что привело, помимо других гораздо более пагубных последствий, к исчезновению IFT. «Сохранение авторитета требует уважения к человеку или положению. Следовательно, величайший враг авторитета — это презрение, а самое верное средство его подрыва — смех» (ARENDT, 2011, стр. 62).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ATA DO D. A. X. I. X. Diretório Acadêmico Onze de Outubro, p. 100.

ARENDT, H., **A Condição Humana**, 10.ed., Rio de Janeiro, Ed. Forense Universitária, 2007.

_____, **Entre o Passado e o Futuro**, 7.ed., São Paulo, Ed. Perspectiva, 2011.

_____, **Origens do Totalitarismo.** Anti-semitismo. Imperialismo. Totalitarismo, São Paulo, Companhia das Letras, 1989.

_____, **Sobre a Revolução,** São Paulo, Cia das Letras, 2011.

FRY, K. A. **Compreender Hannah Arendt.** Rio de Janeiro, Vozes, 2010.

BOBBIO, N. **Dicionário de Política,** Brasília, 11.ed., Ed. UnB, 1998.

BEOZZO, J. O. **A igreja do Brasil no Concílio Vaticano II (1959-1965).** São Paulo: Paulinas, 2005

MAINWARING, S. **Igreja católica e política no Brasil: 1916-1985.** São Paulo: Brasiliense, 2004.

SERBIN, K. P., **Diálogos na sombra:** bispos e militares, tortura e justiça social na ditadura. São Paulo: Companhia das Letras, 2001

_____, **Padres, celibato e conflito social:** uma história da igreja católica no Brasil. São Paulo: Cia das Letras, 2008

ПРИЛОЖЕНИЕ – ССЫЛКА НА ССЫЛКУ

2. Акт или следствие отправления правосудия; наказывать смертной казнью или суровыми телесными наказаниями посредством незаконных судебных процессов, проводимых исключительными правительствами или группами правосудия. Источник: <https://www.dicio.com.br/justicamento>, по состоянию на 1 июля 2020 г., 18:15.

3. Departamento de Ordem Política e Social (DEOPS).

4. Некоторые прямые источники противоречат подходу К. Сербина в целом, например Указ Optatam Totius в *COMPENDIO DO CONCÍLIO VATICANO II*, Конституции, указы и декларации, 25-е изд., Петрополис, Возес, 1996, с. 507-525; другие, которые можно найти в архивах Ордена воспоминаний августинцев в Рибейран-Прету, относящиеся к провинциальному капитулу 1966 года, например: Список вопросов для капитула, подготовленный Бр. Феликс Пардо; Протоколы заседаний главы; решения главы об образовании; Доклад отца Провинциала, о. Хосе Гонсалвеш; Отчеты о IFT, представленные о. Августин Борхес и о. Адаури Фиоротти; приложения: «Ответы на вопросы, заданные Бр. Лауро об IFT и наших богословах, которые там учатся» и «Размышление в плане образования» (документ, подготовленный семинаристами и направленный в главу).

5. União Nacional dos Estudantes (UNE).
6. União Estadual dos Estudantes (UEE).
7. ПРОТОКОЛЫ D.A.X.I.X., Academic Directory Onze de Outubro, 100 стр.
8. Departamento de Operações de Informações e Centro de Operações de Defesa Interna (DOI-CODI).

Подано: Март 2022 г.

Утверждено: Июль 2022 г.

¹ Выпускной и магистр истории Unesp - Campus de Franca / SP. Кандидат наук в программе магистратуры по истории в PUC-SP - Кампус Монте-Алегре, Пердизес, Сан-Паулу. ORCID: 0000-0001-5897-6610.